

УДК 340.1

Евгений Васильевич СУВЕРОВ,
профессор кафедры теории и истории права
и государства Барнаульского юридического института
МВД России, доктор исторических наук, профессор
suverovev69@mail.ru

Даниил Георгиевич ШАШИН,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельнос-
ти Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ НКВД В 1930-Е ГОДЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОСОБЕННОСТЯМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

DETERMINANTS OF THE ACTIVITIES OF NKVD OFFICERS IN THE 1930S REGARDING TO THE SPECIFICS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CORRECTIONAL LABOR INSTITUTIONS

В статье рассматривается борьба с преступным элементом в местах лишения свободы в 30-е годы прошлого века в СССР, имеющая большое значение в период наращивания индустриальной мощи страны с использованием труда осужденных и противодействия деятельности исправительно-трудовых учреждений со стороны криминальных элементов, пытавшихся установить там свои порядки, не подчиняясь законным требованиям сотрудников правоохранительных органов, срывая производственные планы. Нейтрализация «воровского сообщества» происходила на основе действующего советского законодательства и выражалась в изоляции лидеров и активных сообщников преступных группировок, этапирования их в отдаленные, специализированные исправительно-трудовые лагеря.

The article deals with the incidents of fight against the criminal element in places of imprisonment in the 30s of the last century in the USSR that is of great importance in the period of building up the country's industrial power with the use of convict labor. The article discusses the events of counteraction to the activities of correctional labor institutions by criminal elements who tried to establish their own rules there, not obeying the legal requirements of law enforcement officers, disrupting production plans.

The neutralization of the «thieves' community» took place on the basis of current Soviet legislation and was expressed in the isolation of leaders and active accomplices of criminal groups, and their transfer to remote, specialized correctional labor camps.

Ключевые слова: бандиты, воры, сотрудники, НКВД, колонии, лагеря, тюрьмы, заключенные, режим.

Keywords: the bandits, the thieves, the staff, the NKVD, penal colonies, camps, prisons, prisoners, the regime.

В 30-е годы прошлого столетия в СССР наблюдался высокий уровень преступности. Несмотря на декларативные заявления большевиков, полностью ликвидировать преступность в стране не удалось. Объяснение причин преступных проявлений в регионе пережитками «проклятого царского режима» и «эксплуататорской политикой капитализма» выглядело примитивно [33, с. 69].

Борьба с криминальными элементами, отбывающими срок наказания, усугублялась излишней засекреченностью от советской общественности, в стране не существовало научных разработок по противостоянию криминальным лидерам, руководство пенитенциарных учреждений в одиночку пыталось решать эту проблему, опираясь лишь на свой опыт и знания коллег. В основном это заключалось в попытке ослабить и раздробить уголовное сообщество, дискредитировав их главарей.

Иерархию преступного мира в Советском Союзе возглавляли воры. Высший уровень был представлен «ворами в законе», обладавшими непоколебимым, фактически абсолютным авторитетом. По их инициативе организовывались сходки, на которых формировались новые и совершенствовались старые «идейные принципы» истинных арестантов. Они провозгласили воровство единственным способом существования [10, с. 103, 104].

Идеология уголовной среды выражалась в неписаных правилах «воровского закона», выражавшихся в запрете для «блатных»: заниматься общественно полезным трудом, иметь семью, поддерживать связь с родственниками, вступать в контакты с сотрудниками правоохранительных органов (кроме случаев, связанных со следствием и судом), выступать в качестве потерпевшего или свидетеля, признавать вину в совершении преступлений, получать какую-либо помощь от государства или его официальных представителей; и обязанностей следить за «порядком» в местах лишения свободы, всюду устанавливать власть «воров»; не служить в армии, не брать от властей оружие, не защищать интересы государства; уметь играть в азартные игры, в случае

проигрыша вовремя расплатиться [34, с. 64, 65]. Однако на практике эти «воровские законы» серьезно искажались и по-разному толковались в зависимости от интереса преступных лидеров.

Воры в законе должны были уметь играть в карты на деньги (или на «интерес», включая игру на «три косточки» – жизнь игрока), запрещалось лишь играть на тюремный паек. Они должны были быть верными воровской идеологии, основанной на противопоставлении воров и мужиков, «людей и чертей» (вторые обязаны кормить первых), а также на легендах о благородстве, бесстрашии, сильной воле, ловкости, уме и находчивости воров [9, с. 405].

«Элита» преступного мира, благодаря сплоченности и дерзости, занимала господствующее положение в местах лишения свободы. «Блатари» быстро узнавали друг друга по татуировкам, специфическому жаргону, жестикуляции, походке. Продолжая вести паразитический образ жизни и после вынесения приговора, они совершали кражи и разбои в отношении сокамерников, заставляли работать за себя, применяли физическое насилие, отказывались подчиняться требованиям администрации пенитенциарных учреждений.

Люди, занимавшие нередко высокое социальное положение на воле, в их глазах были только презираемые «фраера», не приспособленные к тюремным условиям. Так, интеллигентов презрительно называли «Асфальт-Тротуарович», инородцев – «Баклажан-Помидорович» [8, с. 13].

Засилье бандитско-воровского элемента в местах лишения свободы значительно ослабляло режим содержания, нивелировало все усилия администрации по перевоспитанию осужденных, а главное, срывало производственный план, персональную ответственность за который несли руководители исправительных учреждений.

Значительно осложняло оперативную обстановку в местах лишения свободы наличие сплоченной группы профессиональных преступников – воров, всячески стремившихся нарушить режим содержания и не желавших вставать на путь исправления. Отрицая трудовую деятельность, морально разложившие-

ся личности с темным прошлым, имевшие, как правило, не одну судимость, занимались кражами, грабежами, разбоями, систематически избивали других заключенных, участвовали в азартных играх, сожительствовали с женщинами, злоупотребляли спиртными напитками, оказывали сопротивление и угрожали надзирательскому составу [32, с. 92, 93].

Борьба с бандитско-воровским элементом в местах лишения свободы основывалась на социалистической законности. Режим содержания заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях в годы войны основывался на Положении об исправительно-трудовых лагерях, утвержденном постановлением СНК СССР 2 апреля 1930 г., и на приказе НКВД СССР от 2 августа 1939 г. N 00889, где предусматривались надежная изоляция преступников и организация порядка содержания заключенных в лагере [7].

В местах лишения свободы заключенным запрещалось иметь: оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические средства, лекарства, острорежущие предметы (ножи, бритвы, ножницы, пилки и т.п.), игральные карты, одеколон, различные документы, деньги, облигации, военно-топографические карты, планы местности и карты районов [31, с. 174].

В Чистюньском отделении Сиблага НКВД СССР 26 июля 1938 г. было возбуждено уголовное преследование в отношении заключенных Карасюка, Пугана, Соколова, которые взломали замки в библиотечных шкафах и похитили 26 книг с целью изготовления из них игровых карт [28].

При личном обыске заключенного Пичушкина в тюрьме N 2 18 февраля 1939 г. города Новосибирска дежурный помощник начальника тюрьмы Чепенков обнаружил 2 зашитых в шубе маленьких мешочка с рассыпным золотом весом 291,3 грамма [26]. В Томской тюрьме во время ночного обыска было обнаружено много железных предметов и самодельных ножей, карандашей, бумаги, две колоды карт и около 100 рублей. В воротнике плаща одного заключенного было обнаружено зашитое лезвие от безопасной бритвы. В прогулочных двориках было изъято много гвоздей, проволоки, куски железа и кирпича,

которые заключенные после возвращения с прогулки брали с собой в камеры [18].

На основании приказа НКВД от 30 июля 1937 г. N 00447 ужесточилась репрессивная политика в отношении криминальной элиты. Всего на основании этого приказа в лагерях НКВД были расстреляны более 30000 человек, значительная часть из которых были лидерами воровского сообщества. Вместе с тем, несмотря на жесточайшие репрессии, сообщество «воров в законе» продолжало крепнуть и представляло потенциальную силу в преступном мире. В 1940-е гг. количество воров достигало десятка тысяч (возможно, более) человек, а вместе с окружением («блатными») – 40-50 тысяч [34, с. 67-70].

Во время индустриализации, при подготовке СССР к новой мировой войне в советской экономике широко применялся труд заключенных. Для каждого подразделения исправительно-трудовых учреждений утверждался производственный план, невыполнение которого строго наказывалось, вплоть до уголовного преследования руководителей.

Циркуляр ГУЛАГ и Прокуратуры СССР от 17 апреля 1935 г. N 65 «О порядке приравнивания к отказывающимся от работы заключенных, не выполнявших 25% задания» регламентировал, что не выполнявшие 25% задания приравнивались к отказавшимся от работы только в тех случаях, если это возможно по состоянию здоровья заключенного. Не работающим заключенным в штрафных изоляторах, как и переведенным заключенным на режим штрафного изолятора, выдавалась горячая пища ежедневно и хлебный паек в размере 400 грамм в общих местах лишения свободы и 300 грамм в исправительно-трудовых лагерях [6].

На основании ведомственных нормативных актов происходила попытка изолировать отрицательный элемент от основной массы заключенных, не допустить их влияния на выполнение производственного плана.

Приказ Сибирского трудового лагеря (Сиблага) от 25 апреля 1935 г. N 84 л/с требовал, чтобы в каждом лагерном пункте были организованы отдельные палатки усиленного режима для злостных отказников в достаточном отдалении от основных работников [14].

В 1938 г. в Чистюньском отделении Сиблага НКВД СССР 20 заключенных фермы N 1 за систематические кражи в бараке, терроризирование лагерников и администрации, лагерный бандитизм были изолированы в штрафном изоляторе с использованием исключительно на тяжелом физическом труде [22].

Согласно приказу НКВД СССР от 21 мая 1939 г. N 00577 «О ликвидации спецотделений в исправительно-трудовых лагерях» в целях изоляции особо опасного контингента, содержащегося в спецотделениях в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа НКВД СССР, существующие спецотделения были ликвидированы. Наиболее социально опасные заключенные переводились в отдаленные лагеря (Норильск, Воркута, Севвостлаг) [5]. Особо опасных бандитов, совершавших неоднократные побег и новые преступления, направляли в Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь [30, с. 100].

Осужденные, играющие в азартные игры, осуществляющие продажу (так называемые промоты) казенного имущества, употребляющие алкогольные напитки, наказывались правами начальника учреждения. В Чистюньском отделении Сиблага НКВД СССР в 1938 г. парикмахер 5-го лагпункта заключенный Орлов за картежную игру получил усиленный режим заключения сроком на 3 месяца [23].

В 1938 г. заключенный Анохин, отбывавший наказание в Баимском отдельном лагерьном пункте (ОЛП) за связь с вольной женщиной, продажу казенных ботинок, выданных в личное пользование, за снабжение водкой лагерников и за попытку вынести из лагеря одеяла, бушлаты и телогрейки, был изолирован в штрафной изолятор (ШИЗО) сроком на 6 месяцев [15].

В Чистюньском отделении Сиблага НКВД СССР в 1939 г. группа лагерных воров в составе четырех заключенных изготавливала пиво из отпускаемых для кормления телят продуктов [24], периодически устраивая пьяные оргии. Из-за дефицита алкоголя заключенные нередко употребляли одеколон.

В тюрьмах пресекались любые переговоры среди заключенных, передача любой ин-

формации в камеры. В 1939 г. во внутренней тюрьме города Новосибирска заключенные Мордохович и Иванов пытались вступить в переговоры с соседней камерой по трубам через унитаза [21].

Во избежание подготовки побега и передачи гражданским лицам писем и записок сотрудники правоохранительных органов пытались максимально скрыть любую информацию о перемещении заключенных. Запрещалось конвоировать заключенных в дневное время суток, так как это нарушало уличное движение и давало возможность осужденным через проходящих мимо граждан передавать о себе сведения родственникам и знакомым [19].

Побег являлся злостным нарушением режима содержания и был уголовно наказуем. В Березово-Пристанском лагпункте 18 мая 1933 г. была пресечена попытка совершения побега. Родственники заключенного Санфундинова Курбата выслали посылку, где в запеченном хлебе были спрятаны деньги и документы, с целью совершения им побега [11].

В августе 1937 г. были пойманы два беглых заключенных из Сиблага, вооруженных топорами. Стрелок ВОХР Тимофеев раскрыл подкоп и обнаружил в лагере спрятанные вещи для совершения побега (топоры, пилы). За совершенный побег и попытку нового, за грабежи и бандитское поведение заключенные Араушкин, Гриднев, Казадаев, Толстов, Ткаченко были привлечены к уголовной ответственности [13].

Организованные группы бандитско-воровского элемента в местах лишения свободы продолжали совершать преступления, подвергали физическому насилию других заключенных, оказывали ожесточенное сопротивление надзирательскому составу.

В августе 1935 г. в красноярской тюрьме на следственного заключенного Ермолина при поселении его в камеру N 3 напали заключенные отрицательной направленности, насильно отняв у него 14 рублей и черную рубашку. Заключенный Новоселов при входе в камеру N 4 также подвергся насилию, его раздели и разули, отобрав серебряные часы. Об этом случае заключенный немедленно со-

общил коридорному надзирателю, но тот не принял никаких мер [29].

25 декабря 1935 г. в Северном Казахстане, в Шемонаихе, лагерные активисты подвергались грабёжам со стороны трудновоспитуемого элемента (колонны № 2, 8 и 7) [12].

В Ново-Ивановском отделении в мае 1938 г. за совершение грабёжей заключённых бандитской группой численностью 20 человек, за участие в вооружённом налёте на барак заключённых, где заключённому Тенисскому было нанесено ранение топором, заключённые Бондаренко, Горюнов, Шабанов были наказаны отбыванием в ШИЗО сроком 6 месяцев каждый с возбуждением уголовного дела.

За совершение в мае 1937 г. ограбления кухни (украдено 12 кг мяса) в июне 1937 г. и ограбление ларька в Ново-Ивановском отделении заключённые Якушев и Одинцов были изолированы в ШИЗО сроком на 6 месяцев с возбуждением уголовного дела и удержанием стоимости нанесённого ущерба [16].

Во время борьбы с уголовными элементами возникала серьёзная угроза жизни и здоровью надзирательского, оперативного и командного состава исправительно-трудовых учреждений.

В Чистюньском отделении Сиблага НКВД СССР заключённые Грачев, Иванов, Агапов, Петров, Муший, Швецов, Гобанцев были застигнуты дежурным по лагерю во время карточной игры, после чего заключённый Грачев стал угрожать сотруднику НКВД расправой «дайте топор, мы ему отрубим голову» [25].

В Алексинской ИТК ОИТК УНКВД по Тульской области процветали хулиганство, карточная игра, кражи, избиения и массовое сожительство. Заключённые хранили у себя в бараках массу запрещённых предметов (топоры, лопаты, ломы, ножи, бритвы). Большая группа заключённых Алексинской ИТК ОИТК УНКВД по Тульской области в 1940 г. напала на администрацию колонии и военизированную охрану. Во время беспорядков администрация проявила полную беспомощность, по сути, сбежав. Воспользовавшись этим, группа заключённых-рецидивистов разгромила продовольственный склад и хлебозерку, похитив там продукты,

вооружившись ножами, ворвалась в бараки, где грабила других заключённых, угрожая им убийством, принуждая женщин к сожительству [1].

Однако в своей деятельности сотрудники пенитенциарных учреждений сами нередко нарушали социалистическую законность, применяли физическое насилие к спецконтингенту. Другие сотрудники, напротив, шли на прямое сотрудничество с бандитско-воровским элементом. В отчете прокурора Верховного Суда СССР по надзору за органами ОГПУ за 1931 г. отмечалось, что в сибирских лагерях были выявлены незаконные расстрелы, издевательства над заключёнными (сажание в воду при 40-50 градусах мороза, подогревание на горячей печке, привязывание к столбу) [2]. По этим делам 140 человек административного состава Сибирских лагерей были привлечены к уголовной ответственности [3].

В Кемеровской тюрьме 13 июля 1938 г. несовершеннолетних заключённых, содержащихся в двух камерах, за малейшее нарушение режима (разговор в камере в ночное время, курение в камере, пререкание с надзирателями) избивали, связывали руки и ноги и бросали в карцер [20].

Штаб Кальчугинской исправительно-трудовой колонии в 1935 г. был фактически подконтролен уголовным элементам. Рецидивисты имели доступ к секретным документам и личным делам. Имелись случаи фабрикации подложных документов на освобождение и факты незаконных освобождений [17].

В приказе НКВД СССР от 5 июня 1938 г. № 00349 «О состоянии военизированной охраны лагерей НКВД» отмечалось, что среди личного состава охраны участились случаи связи с заключёнными, групповые пьянки, хулиганство [4].

В целях экономии средств в охране служили сами заключённые (так называемые самоохранники), что негативно сказывалось на соблюдении социалистической законности. На Дальнем Востоке в 1938 г. недопустимо был запущен и запутан учет следственных заключённых. Имелись случаи, когда вызываемый на допрос подследственный разыскивался в тюрьме более суток. В Хабаровской тюрьме

в течение продолжительного времени содержались 66 заключенных, которым не было предъявлено обвинение. В отдельных тюрьмах на постах у следственных камер стояли самоохранные, у них же находились ключи от следственных камер. Обслуга из заключенных самовольно бродила по коридорам. Из тюремных ларьков отпускались продукты в упаковке, таким образом в камеры попадала бумага, консервные банки, стеклянная посуда. Обыски проводились небрежно, случайными, не понимающими в этом деле людьми. «Некоторые начальники тюрем сами обысков не проводили – брезговали» [27].

Итак, в 30-е годы XX века в советской исправительно-трудовой системе фиксировалось засилье бандитско-воровского элемента. Профессиональные преступники в местах лишения свободы продолжали вести паразитический образ жизни, заставляя работать за

себя других осужденных, унижали их человеческое достоинство, совершали против них преступления корыстной направленности. Администрация таких учреждений в большинстве случаев на основе социалистической законности вела с ними бескомпромиссную борьбу. Злостных уголовников изолировали, отправляли в отдаленные лагеря, возбуждали уголовные дела с максимальным наказанием – высшей мерой наказания – расстрелом. Любое нарушение социалистической законности со стороны сотрудников пенитенциарной системы наказывалось руководством и прокуратурой. Однако, несмотря на все усилия советской карательной системы на основе социалистической законности, полностью уничтожить и нейтрализовать бандитско-воровской элемент в местах лишения свободы не удалось.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9401. Оп. 1а. Д. 56. Л. 223, 224.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 33161. Оп. 64. Д. 1074. Л. 47-48 об.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 8131. Оп. 37. Д. 20. Л. 56 об.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9401. Оп. 1. Д. 499. Л. 1-4.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9401. Оп. 1. Д. 518. Л. 123,124.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9401. Оп. 12. Д. 94. Л. 171.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 12. Д. 316. Л. 359-372 об.
8. Росси, Ж. Справочник по ГУЛАГу / Жак Росси. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 1.
9. Клейменов, М.П. Криминальные лидеры вчера и сегодня / М.П. Клейменов, Д.В. Корнеев // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3 (65).
10. Эволюция тюремной субкультуры в советский период российской истории: уроки прошлого / И.Н. Куркина и др. // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2018. – № 4 (18).
11. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 111. Л. 32.
12. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 139. Л. 43, 44.

13. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 22. Д. 144. Л. 4., 5.
14. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 22. Оп. 1. К. 5. Д. 19. Л. 41 об.
15. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 22. Оп. 1. К. 10. Д. 37. Л. 63.
16. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 36. Л. 152.
17. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 4. оп. 1. Д. 220. Л. 301.
18. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 4. оп. 1. Д. 253. Л. 225.
19. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 4. оп. 1. Д. 253. Л. 30.
20. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 4. оп. 1. Д. 253. Л. 221.
21. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области . Ф. 4. оп. 1. Д. 265. Л. 119.
22. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю . Ф. 12. Оп. 2. Д. 178. Л. 145.
23. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю . Ф. 12. Оп. 2. Д. 178. Л. 248.
24. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю . Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 151.
25. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю . Ф. 12. Оп. 2. Д. 184. Л. 39.
26. Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. оп. 1. Д. 263. Л. 352.
27. Отдел оперативной информации и специальных фондов Информационного Центра УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24 Л. 197.
28. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 178. Л. 64.
29. Отдел спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. оп. 1. д. 2. т. 2. л. 334.
30. Сидоркин, А.И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930-1950-е гг. // Lex Russia, 2015. – т. 102. – N 5.
31. Суверов, Е.В. К вопросу о режиме содержания заключенных в местах лишения свободы в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны / Е.В. Суверов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – N 1 (33).
32. Суверов, Е.В. Нарушение режима содержания в лагерных подразделениях Сиблага (Сиббулона) в 1929-1941 гг. / Е.В. Суверов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – N 3 (39).
33. Суверов, Е.В. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Сибири (20-30-е годы XX века) / Е.В. Суверов, Д.Е. Кузнецов. – М., 2019.
34. Сухов, С.В. Исторический аспект возникновения преступных лидеров / С.В. Сухов, А.А. Тирских // Иркутск : Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2009. – N 3(50).